

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА КАВКАЗА
В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ ДОСТОЕВСКОГО***Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-012-90020/19*

Статья посвящена кавказской теме в художественном и публицистическом творчестве Ф.М. Достоевского, сопровождается сведениями о ее биографических, историко-культурных и историко-литературных источниках. Писатель несколько раз упоминает в своих художественных произведениях факт службы того или иного героя на Кавказе, однако подобная подробность не имела характерологическую функцию. В романах Достоевского Кавказ присутствует в качестве устойчивого топоса романтической литературы в сниженном, а иногда и в пародийном варианте. В исследовании, выявившем парадоксальное несоответствие между объемом знаний писателя о Кавказе и степенью вхождения кавказской темы в его произведения, утверждается, что для осмысления этой темы нужен новый подход: назрела необходимость ее рассмотрения в контексте геополитических представлений писателя. У Достоевского не было интереса к этнокультурным особенностям того или иного окраинного региона Российской империи, в его картине мира они не имели собственного символического капитала и потому представляли в свете одной ведущей черты.

Ключевые слова: Достоевский, Российская империя, Кавказ, Кавказская война, петрашевцы, романтизм, картина мира, геополитика, окраины.

Информация об авторе: Михновец Мария Владимировна, ORCID: 0000-0002-7818-2321, магистр филологического образования, научный сотрудник СПбГБУК «Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского», г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: mikhnovets@dostoevsky.spb.ru.

Дата поступления статьи: 24.12.2019.

Для цитирования: Михновец М.В. Особенности формирования образа Кавказа в творческом сознании Достоевского // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 132-137. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-132-137.

Mariia V. Mikhnovets
Dostoevsky Museum, St. Petersburg

**FORMATION OF THE IMAGE OF THE CAUCASUS
IN FYODOR DOSTOEVSKY'S CREATIVE PERSONALITY***The research was made with the financial support of the RFBR
as a part of the project No. 18-012-90020/19*

The article explores the Caucasian theme in Fyodor Dostoevsky's fiction and non-fiction writings. The paper is based on a set of biographical, historical-cultural and historical-literary sources of the writer's knowledge of the Caucasus. The article shows Fyodor Dostoevsky's works were marginally affected by the information on the Caucasus and on the Caucasian wars the writer has at his disposal. The writer referred to characters' military service in the Caucasus several times in his fiction works, however, such detail never had influence on their development. In Fyodor Dostoevsky's novels, the Caucasus is a stable topos of romantic literature but it often has pejorative overtones. The present study shows a paradoxical discrepancy between the volume of the writer's knowledge about the Caucasus and the prominence of the Caucasian theme in his works. To further understand this discrepancy, it is important to consider the theme of the Caucasus in the context of the writer's geopolitical views. Fyodor Dostoevsky appears to have little interest in the ethnocultural features of what he saw as a peripheral region of the Russian Empire. In Fyodor Dostoevsky's world-view, the Caucasus had no symbolic capital and therefore was only represented using one simplified feature.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Russian Empire, Caucasus, Caucasian War, Mikhail Petrashevsky Circle, Romanticism, world-view, geopolitics, periphery.

Information about the author: Mariia V. Mikhnovets, ORCID: 0000-0002-7818-2321, Master of Philological Education, Research department, Dostoevsky Museum, Saint-Petersburg, Russia.

E-mail: mikhnovets@dostoevsky.spb.ru.

Article received: December 24, 2019.

For citation: Mikhnovets M.V. Formation of the image of the Caucasus in Fyodor Dostoevsky's creative personality. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 132-137 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-132-137.

В современном литературоведении сформировался корпус исследований, которые можно объединить общей широкой темой «Русская литература и Кавказ»¹. При этом специально вопрос о месте кавказской темы в художественном и публицистическом творчестве

Ф.М. Достоевского до сих пор не рассматривался. Безусловно, у этого есть объяснение: Кавказ не сыграл столько же значимой роли в жизни и творчестве писателя, как это было у А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого². Тем не менее представляется важным очертить сложившийся

у Достоевского круг сведений о Кавказе и установить его биографическую, литературную и публицистическую основу: это позволит проследить историю формирования представлений писателя об этом регионе, а в дальнейшем выявить специфику интерпретации кавказской темы Достоевским в срезе его геополитических взглядов.

При всей обширности географии перемещений и путешествий Достоевский на Кавказе не был, и уроженцы Кавказа не входили в круг его друзей. При этом многие его знакомые посещали этот южный край Российской империи и были так или иначе связаны с событиями Кавказской войны в 1850–1870-х гг.

Кавказ был местом ссылки нескольких товарищей Достоевского по кружку М.В. Петрашевского. В «Дневнике писателя» за январь 1877 год в главе «Старина о “петрашевцах”» Достоевский писал: «Впоследствии, после помилования их, многие из них заявили себя весьма заметно, и если брать всех петрашевцев, то есть не одних сосланных в Сибирь, а и наказанных в России ссылкой по крепостям и на Кавказе, или удалением на службу в отдаленные города, или, наконец, просто оставшихся под надзором, то весьма и весьма многие из них заявили себя потом с большою честью» [Достоевский 25: 25]. Укажем, кого конкретно имел в виду писатель.

В первую очередь назовем В.А. Головинского. Его ввел в кружок петрашевцев Достоевский. Вместе молодые люди обсуждали вопросы чаемой правительственной реформы освобождения крестьян от крепостной зависимости, затем последовал их арест, и во время допросов Достоевский пытался защитить своего товарища. После гражданской казни Головинский сначала был определен в солдаты в Оренбургский линейный батальон, а с 1851 г. переведен на Кавказ, о чем Достоевский сообщил брату в письме от 22 февраля 1854 г. [Достоевский 28-1: 174]. В 1859 г. Достоевский и Головинский встретились в Твери и не могли не обсуждать свой многолетний каторжный и ссыльный опыт, хотя письменных свидетельств об этом не сохранилось.

После манифеста 1856 г. на солдатское поселение на Кавказ был отправлен Н.А. Момбелли, с которым Достоевский был также знаком по кружку петрашевцев, а позднее, в 1860-х – начале 70-х гг., встречался в Петербурге. П.Н. Филиппов – вероятно, именно Достоевским введенный в тайный заговор семи петрашевцев, – был определен в Кавказский отдельный корпус в 1851 г. и затем погиб во время штурма г. Карса, находившегося за Кавказским хребтом. А.И. Пальм после гражданской казни был определен в солдаты, служил в Крыму и на Кавказе³. С Достоевским после всех этих драматических событий он встретился только в декабре 1879 г. в Петербурге на литературном утреннике. Достоевский в разговоре с ним обращался

к прошлому, однако, судя по воспоминаниям Пальма, о подробностях кавказской ссылки речь не заходила.

Несколько знакомых петрашевцев были сосланы на Кавказ, и в этом контексте не случайным представляется стремление Достоевского получить по окончании срока каторги распределение в солдаты именно на Кавказ, который в отличие от Сибири представлялся ему уже освоенной Россией территориями. Об этом он пишет брату в письме от 30 января – 22 февраля 1854 г.: «Не знаю, что ждет меня в Семипалатинске. Я довольно равнодушен к этой судьбе. Но вот к чему не равнодушен: хлопчи за меня, проси кого-нибудь. Нельзя ли мне через год, через 2 на Кавказ, – все-таки Россия! Это мое пламенное желание, проси ради Христа!» [Достоевский 28-1: 172]. И далее: «Я постараюсь тебе найти другой адрес из Семипалатинска, куда я отправлюсь через неделю. <...> Но, ради Бога, старайся и проси об моем переводе на Кавказ» [Достоевский 28-1: 173].

Спустя два года в письме близкому другу А.Е. Врангелю от 13 апреля 1856 г. Достоевский размышляет о месте своей настоящей ссылки и сообщает, что «о Кавказе теперь уже и не думает» [Достоевский 28-1: 229]. Следовательно, на протяжении долгого времени писатель не переставал вспоминать о Кавказе как о возможном месте пребывания и после отправки в Семипалатинск.

Таким образом, в биографическом аспекте Кавказ для Достоевского существует как благоприятное место ссылки, что вполне отвечало русской социокультурной и историко-литературной ситуации середины XIX в.

Биографические источники знаний Достоевского о Кавказе органически связаны с историческими. На протяжении всей жизни писателя не прекращалась Кавказская война, которая переживала то свою активную стадию, то пассивную. Напомним: в 1859 г. был пленен Шамиль, затем он был доставлен в центральную Россию, представлен при дворе императора Александра Второго и императрицы Марии Александровны в Москве и в Царском Селе, кроме того, состоялась его московская встреча с генералом А.П. Ермоловым. Кавказская война в то время широко освещалась на страницах газет. Тем не менее военные события на Кавказе не стали предметом рефлексии Достоевского, хотя писатель в 1860 г. уже возвратился из сибирской ссылки в европейскую часть России. Лишь однажды в записной книжке от 1864 г. он отметил: «У нас Кавказ покорен» [Достоевский 20: 203]. Появление этой записи было обусловлено тем, что 12 июля в России было официально объявлено об окончании Кавказской войны, а в августе и сентябре последовал ряд публикаций в прессе на эту тему⁴.

Сам факт некоего отстраненного отношения Достоевского к теме завоевания Кавказа Россией

примечателен: характер этой позиции не вполне согласуется с тем, что писатель был хорошо осведомлен о происходящем. Достоевский опосредованно был связан с кавказскими событиями тех лет: его товарищи, преподаватели, с которыми он был в юности знаком по Инженерному училищу, были участниками Кавказской войны. К.П. Кауфман, закончивший Инженерное училище вместе с Достоевским, служил на Кавказе с 1844 г. [Почекаев]. О.П. Патгон, с которым Достоевский думал вместе переводить роман «Матильда» Эжена Сю, также отправился в 1844 г. служить на Кавказ. К.И. Иванов – выпускник Инженерного училища, помогавший Достоевскому в Сибири, а спустя годы, в конце 1870-х гг., живший в Петербурге неподалеку от дома писателя на Кузнечном переулке, – в 1860-е гг. отбывал службу на Кавказе. В письме от 1880 г. писатель вспоминает и своего преподавателя фортификации Г.И. Кори, раненного на Кавказе (в письме Достоевский ошибочно сообщает, что тот был «убит»: Кори умер в 1880 г. в Минской губернии, будучи в отставке) [Достоевский 30-1: 321]. О многих участниках Кавказской войны Достоевский вспоминает во второй половине 1870-х гг. в связи с событиями идущей Балканской войны, поскольку многие герои Кавказа сражались затем против Османской империи. Например, о Ф.Ф. Радецком, выпускнике Михайловского замка, герое Кавказской и Балканской войн, атаковавшем позиции турок на Шипке, Достоевский упоминает в связи с фактом увеличения роли инженерных войск во время современных военных действий 1877–1878 гг. [Достоевский 14: 302].

Налицо множественные связи Достоевского с людьми, служившими на Кавказе, однако этот жизненный материал всего лишь отдаленно отозвался в его публицистическом и художественном творчестве. Мельком упоминается герой-кавказец в «Дневнике писателя» за сентябрь 1876 года в главе «Piccola bestia» в связи с размышлениями о социалистах. В том же выпуске «Дневника писателя» появляется и краткое замечание о ветеранах Кавказской войны 1864 г. как о добровольцах Балканской войны [Достоевский 16: 111].

Многие герои художественных произведений Достоевского служили на Кавказе, но, как правило, они находятся на периферии системы персонажей. В романе «Идиот» на вечере у Настасьи Филипповны герой рассказа Афанасия Ивановича отправляется на Кавказ, потом попадает в Крым, где и погибает [Достоевский 8: 129]. В «Бесах» дед Марии Лебядкиной, штаб-офицер, «был убит на Кавказе на глазах у самого Ермолова» [Достоевский 10: 139]. Митя Карамазов «попал в одну военную школу, потом очутился на Кавказе, выслужился, дрался на дуэли, был разжалован...» [Достоевский 14: 11]. Старец Зосима, герой романа «Братья Карамазовы», «когда-то в самой ранней юности был во-

енным и служил на Кавказе обер-офицером» [Достоевский 14: 28].

Нельзя не заметить: «кавказская» подробность ни в одном из указанных случаев не играет сюжетно-фабульной роли, не имеет она и характерологической функции. Для героев Достоевского факт пребывания на Кавказе не является определяющим в процессе формирования характера, оказывается проходным событием в их жизни, своеобразным «общим местом», фактом, который обесценен в смысловом отношении.

Любопытным для нашего исследования представляется только сцена в главе «Черт. Кошмар Ивана Карамазова» (роман «Братья Карамазовы»). Черт предполагает: Иван может злиться из-за того, что тот явился ему не «в красном сиянии, “тремя и блистая”, с опаленными крыльями» [Достоевский 14: 82], а в непритязательном виде, напоминающем образ обедневшего помещика-приживальщика. Черт укоряет Ивана в литературности мышления, в следовании образам литературы романтизма («Нет, в тебе-таки есть эта романтическая струйка, столь осмеянная еще Белинским»). Он иронизирует над тем, что не явился Ивану ни в виде серафима, ни в виде романтического бунтующего героя⁵, ни, наконец, в образе «отставного действительного статского советника, служившего на Кавказе, со звездой Льва и Солнца на фраке». Остановимся на последнем образе. В данном случае статский чиновник, получивший персидский орден, которым иногда награждались русские чиновники на Кавказе, оказывается вариацией вполне традиционного образа отечественной романтической литературы. Однако это не герой-солдат, сражавшийся на Кавказе, подобно героям Лермонтова и Бесстужева-Марлинского, а всего лишь гражданский чиновник, который получает экзотическую в восприятии русского гражданского человека награду и благодаря этому начинает воспринимать самого себя как исключительную личность.

Эта деталь, введенная Достоевским, имеет немаловажное значение в контексте историко-литературных представлений самого романиста. Вспомним: после упоминания «действительного статского советника, служившего на Кавказе», черт сразу переходит к рассуждениям о Мефистофиле и Фаусте. Достоевский еще в 1861 г. в «Ряде статей о русской литературе» отмечал наличие «лермонтовского комплекса» у «образованного сословия» последних десятилетий. Писатель рассуждал о петербургских чиновниках, которые по окончании службы выходят из департаментов и мнят себя Мефистофилями. «Лермонтов, – пишет Достоевский, – рассказывал нам свою жизнь, свои любовные проделки: вообще он нас как будто мистифицировал; не то говорит серьезно, не то смеется над нами. Наши чиновники знали его наизусть, и вдруг все начали корчить Мефистофелей, только что

выйдут, бывало, из департамента» [Достоевский 18: 59]. С учетом этих рассуждений Достоевского эпизод из «Братьев Карамазовых приобретает следующий смысл: если в 1840-е годы с подачи Лермонтова местом мефистофелевских мечтаний был Петербург, то теперь им оказывается Кавказ, причем в парадигме художественно-эстетической мысли романтизма, ушедшего с актуального поля литературы. Кавказ в рассматриваемом нами эпизоде – своеобразный литературный топос, где «мефистофилят» петербургские чиновники, это отнюдь не реальное место боевых действий или же имперских преобразований.

Безусловно, Достоевский был знаком с произведениями, составляющими кавказский текст русской литературы: в круг его чтения входили произведения А.С. Пушкина (лирика, поэма «Кавказского пленник»), М.Ю. Лермонтова (лирика, поэмы «Демон» и «Мцыри», роман «Герой нашего времени»), кавказские повести А.А. Бесстужева-Марлинского («Вечер на Кавказских водах в 1824 году», «Аммалат-бек», «Письма из Дагестана» [Достоевский 24: 308]) и т. д. Известно, в творчестве авторов-романтиков Кавказ подается как исключительное место, зона экзотической «дикости», где герой может столкнуться с первозданностью мира и природы. Достоевский, в отличие от них, не только в своей прозе, но и в публицистическом творчестве 1870-х гг. подает Кавказ в ироническом ключе. Так, в «Дневнике писателя» за июль и август 1876 г. в статье «Что на водах помогает: воды или хороший тон?» он упоминает Печорина и героя «Кавказского пленника» в обобщенно-ироническом ключе. Для писателя эти герои уже не отличаются самобытностью и представляют собой всего лишь определенные психологические типы, к которым Достоевский относится достаточно скептически. Подобными «Печоринскими» для писателя опять-таки оказываются мелкие петербургские чиновники, «одну минуту имевшие успех» [Достоевский 23: 86] и ухаживающие за дамами на водах.

Заметим, что Достоевский был знаком и с кавказскими повестями Льва Толстого 1853–1856 гг., которые печатались в «Современнике» («Рубка леса», «Набег»), однако предметом его осмысления они не стали. Из всего многообразия сюжетов и тем кавказского текста русской литературы важным для Достоевского стало только представление о Кавказе как о возможности для заурядного человека показаться чем-то большим, чем он является на самом деле, уверовать в свою исключительность.

Выделим еще один историко-культурный аспект присутствия Кавказа в системе представлений писателя. Кавказ с конца первой трети XIX в. является одним из наиболее известных и популярных водолечебных курортов. «На водах» были и участники Кавказской войны, и дворяне, и чи-

новничество разных классов. Так, в 1879 г. на кавказские курорты отправилась подруга Достоевского А.П. Философова, в связи с чем он выразил свою радость: «Такое характерное место, как Кавказ, сильно отвлечет и развлечет Вас от утомительно однообразной (хотя и чрезмерно характерной с виду) нашей Санкт-Петербургской дребедени и пошлости» [Достоевский 30-1: 78].

Возможно, этот биографический эпизод стал основой для упоминания курортов Кавказа в романе «Братья Карамазовы», работа над которым приходилась на это же время. Речь идет о сцене, в которой доктор предлагает семье штабс-капитана Снегирева отправиться в Сиракузы, а также ради смены климата поехать на Кавказ: «Н-нет, семейство не в Сицилию, а семейство ваше на Кавказ, раннею весной... дочь вашу на Кавказ, а супругу... продержав курс вод тоже на Кавказе в виду ее ревматизмов... немедленно после того направить в Париж, в лечебницу доктора психиатра Лепельлетье, я бы мог вам дать к нему записку, и тогда... могло бы может быть произойти...» [Достоевский 14: 505]. Однако представляется, что в данном случае оказывается более важным не Кавказ как таковой, а сам факт абсурдности подобного предложения для семьи, ведущей полунищее существование.

На кавказских водах Достоевский ни разу не был, что однажды было даже поставлено писателю в вину. Некая москвичка, Е.М. Драшусова, в письме от 1877 г. писала Достоевскому о том, что ему лучше было бы поехать на Южный берег или на Кавказ, а не в Эмс, «который своей антипатриотичностью может навредить здоровью» [Достоевский 30-2: 116]. Однако едва ли выбор немецкого Эмса был определен личными пристрастиями писателя. В письме от 9 апреля 1876 г. Х.Д. Алчевской Достоевский пишет: «Не знаю, куда меня пошлют на лето доктора: думаю, что в Эмс, куда я езжу уже два года, но, может быть, и в Эссенуки, на Кавказ. <...> Я давно уже собирался побывать на нашем юге, где никогда не был» [Достоевский 29-2: 77].

Встает вопрос о том, почему такое количественное и качественное разнообразие биографического, исторического и историко-литературного материала о Кавказе представлено в художественном творчестве Достоевского всего лишь как проекция псевдоромантического топоса. Попробуем ответить на этот вопрос, у которого в намеченном контексте появляется проблемный характер.

Объяснение можно дать с учетом одной из важнейших особенностей творческого метода Достоевского. Речь идет о предельной сосредоточенности Достоевского на магистральных для него темах. По мнению В.В. Зеньковского, коренной для всего творчества писателя была тема «взаимоотношения и связи Бога и мира» [Зеньковский: 226]. Принимая во внимание эту особенность, можно заключить, что самобытность того или иного кон-

кретного региона Российской империи не могла стать для писателя предметом особого внимания.

В поисках ответа на поставленный вопрос можно взглянуть на материал и в другом аспекте. Если размышлять в рамках методологии современных постколониальных исследований, то можно предположить, что Достоевскому были свойственны черты типично имперского, колонизаторского сознания. В его представлениях периферия Российской империи имела гомогенный характер. Именно поэтому, с нашей точки зрения, в своих художественных и публицистических произведениях писатель ограничивался выделением только одной ведущей особенности, характеризуя любой отдельно взятый регион. Это наблюдение не касается тех редких случаев, когда упоминание региона включалось в контекст другой проблематики – вне геополитики.

Подводя итоги, скажем, что в биографическом и историко-культурном аспектах Кавказ предстает в письмах и публицистических произведениях Достоевского как место ссылки его друзей и знакомых, как место военных действий, в художественном же творчестве писателя с Кавказом соотносится псевдоромантический топос. Парадокс состоит в том, что при всем обилии материала Кавказ не явлен у Достоевского во всей своей гетерогенности и многоплановости, его образ свернут до своеобразного монознака. Для осмысления кавказской темы и других подобных тем в творчестве Достоевского нужен, кроме имеющихся (биографического, историко-культурного и историко-литературного), новый подход: назрела необходимость ее рассмотрения в контексте геополитических воззрений писателя. С одной стороны, такой подход позволит углубить представления не только о кавказской теме, но и о других «региональных» темах, присутствующих в художественных и публицистических произведениях Достоевского. С другой стороны, он даст возможность полнее раскрыть специфику геополитических взглядов самого писателя. Проведенный в статье анализ позволяет заключить: для Достоевского не был характерен интерес к этнокультурным особенностям того или иного окраинного региона Российской империи, в его картине мира они не имели собственного символического капитала.

Примечания

¹ Подробнее см.: [Layton; Россия – Грузия; Чхаидзе; Шадури].

² Подробнее см.: [Багратион-Мухранели; Иванеско; Эйдельман].

³ Любопытно, что в 1877 г. он по личным обстоятельствам приехал в Тифлис, где сотрудничал с Н.Я. Николадзе – выдающимся грузинским публицистом, публиковался в его газете «Обзор» и принимал деятельное участие в работе русского

драматического театра, став его антрепренером. В 1877 г. в петербургской газете «Новое время», с которой был знаком Достоевский, публиковались «Кавказские письма» Пальма – его заметки о поездке в Тифлис и пребывании в городе (подробнее об этом см.: [Чхаидзе]).

⁴ Подробнее см.: [Косвен].

⁵ По мнению авторов академического комментария к Полному собранию сочинений в 30-ти томах, об этом свидетельствует упоминание «Полярной звезды» и «Сириуса»: с одной стороны, реально существовавших орденов, с другой стороны, отсылающих к изданию А.И. Герцена и А.А. Бестужева и герою повести Вольтера «Микромегас».

Список литературы

Багратион-Мухранели И.Л. Кавказ как утопия русской классической литературы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 1994. № 9. С. 83–88.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. Л.: Эго, 1991. Т. 1. Ч. 2. 280 с.

Иванеско А.Е. Кавказские пленники на имперском фронте // Новое прошлое. 2018. № 3. С. 8–18.

Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М., 1955. Т. 1. С. 265–374.

Почекаев Р.Ю. Из саперов в дипломаты: К. П. фон Кауфман на Кавказе (по воспоминаниям современников) // Новое прошлое. 2018. № 3. С. 50–67.

Россия – Грузия после империи: сборник статей / сост. М. Лекке, Е. Чхаидзе. М.: НЛЮ, 2018. 400 с.

Чхаидзе Е. Политика и исследование русско-грузинских литературных связей в Грузии: с советского периода по постсоветский // Toronto Slavic Quarterly. 2015. № 53. С. 92–112.

Шадури В. Писатель-петрашевец А.И. Пальм в Грузии // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона»: сборник статей к 90-летию Н.К. Пиксанова. Л.: Наука, 1969. С. 343–352.

Шадури В. Русские писатели о Грузии. Тбилиси: Заря Востока, 1948. 531 с.

Эйдельман Н. Быть может за хребтом Кавказа (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). М.: Наука, 1990. 316 с.

Layton S. Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. Cambridge, Cambridge University Press, 2005, 354 с.

References

Bagration-Mukhraneli I. L. Kavkaz kak utopiia russkoi klassicheskoi literatury [The Caucasus as an

utopia of Russian literature]. *Vestnik TGPU* [Letters of TGPU], 1994, № 9, pp. 83–88. (In Russ.)

Dostoevskii F.M. *Poln. sobr. soch.: v 3 t.* [Complete works: In 30 vol.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

Zen'kovskii V.V. *Istoriia russkoi filosofii: v 2 t.* [History of Russian philosophy: in 2 vol.]. Leningrad, Ego Publ., 1991, vol. 2, ch. 2, 280 p. (In Russ.)

Ivanenko A.E. *Kavkazskie plenniki na imperskom frontire* [Caucasian prisoners on the Imperial frontier]. *Novoe proshloe* [New past], 2018, № 3, pp. 8–18. (In Russ.)

Kosven M.O. *Materialy po istorii etnograficheskogo izucheniia Kavkaza v russkoi nauke* [Materials on the history of ethnographic study of the Caucasus in Russian science]. *Kavkazskii etnograficheskii sbornik* [Caucasian ethnographic collection.]. Moscow, 1955, vol. 1, pp. 265–374. (In Russ.)

Pochekaev R.Iu. *Iz saperov v diplomaty: K.P. fon Kaufman na Kavkaze (po vospominaniiam sovremennikov)* [From sappers to diplomats: K. P. fon Kaufman in the Caucasus (according to the memoirs of contemporaries)]. *Novoe proshloe* [New past], 2018, № 3, pp. 50–67. (In Russ.)

Rossiiia – Gruziiia posle imperii: sbornik statei [Russia-Georgia after the Empire: collected papers],

ed. by M. Lekke, E. Chkhaidze. Moscow, NLO Publ., 2018, 400 p. (In Russ.)

Chkhaidze E. *Politika i issledovanie russko-gruzinskikh literaturnykh sviazei v Gruzii: s sovetskogo perioda po postsovetskii* [Politics and research of Russian-Georgian literary relations in Georgia: from the Soviet period to the post-Soviet period]. *Toronto Slavic Quartaly*, 2015, № 53, pp. 92–112. (In Russ.)

Shaduri V. *Pisatel'-petrashevets A.I. Pal'm v Gruzii* [Writer and the member of Petrashevsky society A. Palm in Georgia]. *Ot «Slova o polku Igoreve» do «Tikhogo Dona»: sbornik statei k 90-letiiu N.K. Piksanova.* [From «The Tale of Igor's Campaign» to «And Quiet Flows the Don»: collected papers for the ninetieth anniversary of Тю Лю Piksarov]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, pp. 343–352. (In Russ.)

Shaduri V. *Russkie pisateli o Gruzii* [Russian writers about Georgia]. Tbilisi, Zaria Vostoka Publ., 1948, 531 p. (In Russ.)

Eidel'man N. *Byt' mozhet za khrebtom Kavkaza (Russkaia literatura i obshchestvennaia mysl' pervoi poloviny XIX v. Kavkazskii kontekst)* [Perhaps beyond the Caucasus ridge (Russian literature and social thought of the first half of the XIX century. Caucasian context)]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 316 p. (In Russ.)